

УДК 340.114

**Историко-теоретическое развитие институтов герменевтики
и конкретизации (правоконкретизации)
в философско-юридической парадигме на примере работы
А.С. Пиголкина: проблемные вопросы**

Адерихин Роман Николаевич

Аспирант,

Российский государственный университет правосудия,
117418, Российская Федерация, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69;
e-mail: romaaderihin@mail.ru

Аннотация

В данной научной статье автор обращается к работам профессора Альберта Семеновича Пиголкина, в которых освещается история развития юридической герменевтики и прослеживается развитие соответствующей теории. Вторым основным предметом этой работы стала правоконкретизация в философско-юридической парадигме. Автор выделяет проблемные вопросы, поднятые в этих научных работах, и дает им свое толкование, а также сопоставляет воззрения профессора А.С. Пиголкина с идеями других авторов и проводит необходимый сравнительный анализ. Он анализирует основные понятия и определения, на которые опираются работы А.С. Пиголкина, и рассматривает идеи, изложенные в его работах, с практической точки зрения, показывает, как они могут применяться в юридической практике. Подводя итоги данного исследования, важно отметить глубину и высокую степень разработанности проблемных вопросов А.С. Пиголкиным. Его труды еще требуют самого пристального изучения, которое необходимо для как можно более полного охвата проблем юридической герменевтики, толкования и правовой конкретизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Адерихин Р.Н. Историко-теоретическое развитие институтов герменевтики и конкретизации (правоконкретизации) в философско-юридической парадигме на примере работы А.С. Пиголкина: проблемные вопросы // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 12-20.

Ключевые слова

Пиголкин, герменевтика, юридическая герменевтика, правоконкретизация, философско-юридическая парадигма.

Введение

А.С. Пиголкин начинает свое исследование с цитирования высказывания Карла Маркса, о том, что язык есть непосредственная действительность мысли. По его мнению, различие определений не сводится только к терминологическому расхождению. Нельзя сказать, что точка зрения, согласно которой под толкованием понимается раскрытие содержания толкуемого акта для самого интерпретатора, внутренний интеллектуальный процесс исследования нормы права, исключает другую точку зрения, трактующую толкование, как выражаемое вовне в форме специального акта разъяснение содержания правовой нормы. И то и другое определения понятия толкования, на наш взгляд, являются правильными, и наличие разных подходов к проблеме свидетельствует лишь о том, что сам термин «толкование» является многозначным. Под многозначностью автор понимает, прежде всего, разность смысловой составляющей понятия при единстве его формы. Толкование – это родовое понятие, включающее в себя два самостоятельных и отличных друг от друга видовых понятий. Под толкованием, во-первых, необходимо понимать внутренний мыслительный процесс, происходящий в сознании лиц, применяющего правовую норму, уяснение смысла правовой нормы и его объяснение. Во-вторых, толкование – это выраженное вовне разъяснение содержания правовой нормы.

Проблематика работ А.С. Пиголкина

Таким образом, по мнению Пиголкина, толкование есть, прежде всего, акт «уяснения» и «объяснения» [Пиголкин, 1962]. Следует отметить, что данная позиция автора, впрочем, как и схожие определения категории толкование другими авторами, порождает проблему уяснения смысла понятия посредством использования других понятий. То есть, если «толкование» есть «уяснение» и «объяснение», то что же тогда есть само «толкование»? Каков смысл множественности понятий? Как говорил Гумбольдт в определенном контексте «здесь» и «сейчас» с необходимостью присутствуют понятия «-» и понятия «+». То есть, как нам кажется, понятия в своей предельной сущности при взаимодействии и наличии других понятий выстраиваются в некую иерархическую структуру «для нас», с целью упорядочивания восприятия и смыслового, прагматического использования контекста. Отсюда возникает необходимость в разделении понятий на обладающие неким «смысловым объемом» и понятий, его сужающих. Например, возьмем определение: «толкование – это разъяснение». В данном случае «разъяснение» выступает в качестве понятия, несущего в себе отрицательную или сужающую смысловую нагрузку, выражаемое знаком «минус» «для нас». То есть, выступает как понятие, направленное на прояснение смысловой нагрузки, содержащейся в понятии «толкование», использованное и применимое в определенном контексте, или, как мы уже говорили в своих предыдущих работах, «ситуационном контексте». Другой пример: «процесс познания есть толкование окружающей действительности». В данном

случает понятие «познание» выступает как интерпретируемый «смысловой объект», сужающийся посредством понятия «толкование», которое в первом примере выступало само как «смысловое понятие» по отношению к «сужающему» понятию «разъяснение». То есть, таким образом, видно, что понятия могут трансформироваться в «смысловые» и «сужающие», в зависимости от конкретного «ситуационного контекста». Благодаря трансформации понятий становится возможным выделение смысла каждого отдельного понятия.

На основании данного вывода можно сказать, что толкование можно рассматривать как выраженное вовне разъяснение содержания. То есть, толкование выступает некоей смысловой формой, которая возможна в процессе разъяснения.

Далее, если рассматривать толкование в качестве «статики», то ее цель будет состоять в выработке конечного понятийно-смыслового результата, выраженного в качестве некоей формы, например, в постановлениях Пленума Российской Федерации. Поэтому толкование в своей «статике» с необходимостью требует смысловой трансформации в форме другого понятия, которое так же, в свою очередь, подлежит толкованию путем смысловой трансформации путем другого, и так до бесконечности. Исходя из этого можно сказать, что толкование может представлять как содержанием, так и формой по отношению к другим понятиям, зависящим и фиксируемым нами посредством «ситуационного контекста».

Если рассматривать толкование как процесс, поток смысловой «синхронизации» субъекта или интерпретатора и объекта интерпретации, в предельной своей сущности выраженный в форме знака, то можно констатировать, что, когда норма «разъяснена» и «уяснена» один раз, она в ту же секунду меняет свою смысловую нагрузку таким образом, что при ее повторном рассмотрении через некоторое время тем же субъектом обнаруживается совсем другой смысл. Существует, конечно, и диаметрально противоположное положение, при котором, смысловая нагрузка «перекочевывает» в различные понятийные формы, что, в свою очередь, существенно усложняет процесс научного объяснения и систематизации «смысла» или «сущности» различных понятий. Например, таких понятий, используемых сегодня в юридической литературе, как «конкретизация», «толкование», «уяснение», «детализация» и т.п. Такая постановка проблемы наталкивает нас на принятие положения о том, что необходимо выделять «классы» понятий, существенный признак которых неизменен и не подвержен макровременному континууму, а также находится вне «исторически ситуационного контекста». То есть, нам необходимо установить критерий существенности и неизменности классов тех или иных понятий, находящихся в постоянном процессе форменной и смысловой или содержательной трансформации одних отдельных понятий в другие. Однако более не будем развивать данные выводы, так как данный вопрос требует своего отдельного рассмотрения.

Далее Пиголкин рассматривает вид «толкование-разъяснение» как самостоятельную, специальную деятельность определенных органов и лиц [Турагин, 2011].

Уяснение нормы – это установление ее смысла всегда в его полном объеме, в то время как разъяснение может ставить перед собой и более конкретную цель – раскрыть смысл того

или иного термина или выражения, употребленного в нормативном акте, объяснить, на кого норма распространяется, подлежит ли определенный конкретный случай решению на основании толкуемой нормы и т.д. Уяснение и разъяснение правовой нормы нельзя рассматривать как часть единого процесса толкования. В первом случае мы подходим к толкованию с иных позиций, чем во втором. По мнению Пиголкина, проблема толкования нормативных актов по своей сущности есть проблема выявления и раскрытия заключенной в них воли того общественного коллектива, который господствует в производстве и политике. Нормативные акты – это внешнее выражение этой воли, одна из форм ее объективизации. Толкование нормативных актов в Советском государстве есть деятельность органов государства, общественных организаций и отдельных граждан, направленная на установление выраженной в нормативных актах воли всего советского народа, на раскрытие действительного смысла этой воли.

В процессе осуществления правовая норма сама по себе остается неизменной с точки зрения содержания и задача толкования ограничивается лишь установлением того смысла, который вложил в нее законодатель. Сам же законодатель, по мнению Пиголкина, черпает свой творческий потенциал из сложившейся историко-политической формации общества. При этом автор оставляет открытым вопрос, откуда же черпает свой творческий потенциал другие субъекты толкования (правотолкования). Представляется, что данный смысловой потенциал содержится в праве и его различных проявлениях. Так, по мнению Пиголкина, если в процессе толкования права необходимо установить волю законодателя, то это означает, что мы должны выяснить не то, что законодатель выразил в нормативном акте, а то, что он хотел выразить. На самом деле, задача толкования права заключается в том, чтобы выяснить смысл того, что законодатель сформулировал, а не то, что законодатель думал при издании нормативного акта. В данном случае ученый, также ссылаясь на Р.С. Реза, говорит, что всякие предположения по отношению к воле законодателя не должны иметь места. При этом возникает двоякое понимание того, что есть воля законодателя. Сам Пиголкин до этого говорил, что задачей толкования является «выяснение» смысла, который вложил в нее законодатель, естественно представляющий и выражающий волю народа. Однако проблема состоит в том, что воля законодателя может в данном случае пониматься, во-первых, как нормативный правовой акт и знаковый ряд, выраженный посредством текста, в нем содержащегося и, во-вторых, как чувственно-эмоциональная индивидуальность самого автора. В данном случае, как нам кажется, Пиголкин имеет в виду первый вариант, усматривая во втором лишь возможные предположительные, нереализованные в тексте закона идеи законодателя. При всем этом автор подчеркивает необходимость принятия во внимание исторического контекста и говорит о необходимости законодателя предугадывать развития правовых отношений, которые впоследствии должны быть выражены в норме закона. Однако возникает вопрос, как осуществить процесс предугадывания без наличия самого автора и без доли его произвольной субъективности? Ведь мы не можем предположить, что все законодатели обладают даром предвидения будущего. Для краткой справки, в данном случае необходимо вспомнить умозаключения Гегеля. В частности, он говорил, что понятия «объективность»

или «истинность» как сущности могут существовать только в контексте «здесь» и «сейчас». Всякое будущее есть предположение чисто субъективного характера. Прошлое так же независимо от усмотрения автора. Следовательно, будущее предугадывание общественных отношений законодателя делает процесс издания нормативно-правовых актов чисто субъективным процессом, который, по мнению Пиголкина, необходим для более эффективного регулирования общественных отношений.

Необходимо отметить также критику ученого по отношению к тем авторам, которые придерживались концепции толкования «воли закона». Эта критика вписывается в распространенную дискуссию, имевшую место в советский период, а именно – дискуссию о делении толкования на «волю закона» и «волю законодателя». По его мнению, закон не имеет собственной воли, а является лишь средством выражения воли господствующего класса. По сути дела «воля закона» – фикция.

При данной критике сам Пиголкин говорит, что толкование есть установление смысла, который объективно выражен в словесной формуле нормативного акта.

Что касается вопроса о стадии правоприменения, то Пиголкин говорит, что толкование – неотъемлемая составная часть единого процесса применения права, но его нельзя рассматривать как отдельную стадию этого процесса. Данное положение совершенно оправдано и актуально по сей день. Так называемые стадии единого процесса применения правовых норм можно выделить лишь чисто логически, но не в смысле последовательности во времени действий лиц, применяющих нормы права. Что же касается разъяснения содержания правовых норм, то этот процесс, естественно, никак не может быть стадией применения права.

Далее, как и большинство авторов, Пиголкин реализует идею ситуационного применения толкования [Летяев, Шубенкова, 2014], то есть, толкование норм права чаще всего связано с определенным фактом, случаем, который необходимо решить на ее основе, и этот факт имеет немаловажное значение для более правильного и всестороннего понимания смысла нормы права. В задачу толкования входит производство всех необходимых логических выводов из исследуемой правовой нормы, дача ответов на все вопросы, которые могут возникнуть при применении нормы к тому или иному жизненному факту, имеющему свои определенные особенности, учет различных сторон и аспектов толкуемой нормы применительно к особенностям факта.

Следовательно, продолжая идею автора, толкование нормативных актов является одним из моментов научного процесса познания права, который в свою очередь составляет часть общефилософской проблемы познания окружающей нас действительности. Те закономерности, которым подчиняется толкование нормативных актов, являются отражением общефилософских закономерностей познания действительности вообще. Поэтому толкование выступает составной частью гносеологии, как уже общефилософской категории.

В ходе дальнейшего анализа работы Пиголкин все время подчеркивает необходимость объективного толкования, а не субъективного усмотрения, однако при этом отмечает, что

в результате толкования у интерпретатора должно появиться внутреннее убеждение в том, что полученные выводы являются правильными, полностью отвечают действительному содержанию и цели толкуемого нормативного акта. При этом он оговаривается, что оно выступает в качестве средства оценки результатов, а не критерием правильности результатов толкования. Однако при этом лишь при оценочном суждении возникает критерий такой оценочной категории, как правильность.

Далее автор выделяет три вида (приема) толкования:

- 1) грамматическое, т.е. исследование текста нормы;
- 2) систематическое, т.е. исследование правовой нормы с точки зрения ее связи с другими нормами;
- 3) историко-политическое, т.е. исследование социального значения правовой нормы, тех обстоятельств, которые обусловили ее создание и действие

Пиголкин отрицает деление толкования на грамматическое и логическое, как толкование буквы и духа закона. Он заключает, что такое деление есть одна из форм наукообразного оправдания разложения буржуазной законности. Именно текст закона выражает действительный смысл закона. Социалистическая законность требует, чтобы смысл правовой нормы точно соответствовал тексту правовой нормы, чтобы содержание и форма выражения правовой нормы тесно сочетались и взаимно исходили друг из друга [Пиголкин, 1996].

Что касается результата толкования, то им, по мнению ученого, выступает полная ясность смысла нормативного акта. Что представляет собой «полная ясность» смысла? Каковы критерии ее определения? Какого-либо развернутого ответа на данные вопросы мы не находим. Единственно, Пиголкин подчеркивает, что неряшливость языка, неразборчивое употребление терминов делает нормативный акт неясным и противоречивым. Ясность, доступность формулировки нормативного акта – необходимое условие для правильного и глубокого его толкования.

Заключение

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, важно отметить глубину и высокую степень разработанности проблемных вопросов А.С. Пиголкиным. Его труды еще требуют своего пристального изучения необходимого, для как можно более полного охвата проблем толкования и конкретизации (правоконкретизации).

Библиография

1. Васюк А.В. Юридическая герменевтика как научное направление правоведения // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2010. № 2 (6). С. 81-91.

2. Гетьман И.В. Мыслительная деятельность в правовой герменевтике как квинтэссенция процесса адаптации законодательства Украины к европейскому праву // Проблемы законности. 2012. № 121. С. 28-32.
3. Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. 2010. № 5 (161). С. 105-112.
4. Летяев В.А., Шубенкова К.В. Слово о научном наследии Альберта Семеновича Пиголкина // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 83-97.
5. Ловпаче З.Х. Юридическая герменевтика как раздел науки о понимании // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 125-132.
6. Овчинников А.И. Юридическая герменевтика и цивилизационный (социокультурный) подход к праву: правовая традиция как контекст интерпретации и познания права // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 213-219.
7. Пиголкин А.С. (ред.) Общая теория права. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 1996. 384 с.
8. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1962. 166 с.
9. Трофименко В.А. Современная юридическая герменевтика как механизм толкования принципов и ценностей в праве // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2012. № 3 (13). С. 14-28.
10. Туранин В.Ю. Творческое наследие профессора А. С. Пиголкина и современное российское право // Журнал российского права. 2011. № 177. С. 95-99.

Historical and theoretical development of hermeneutics institutions and reification in philosophy and legal science by the example of works of Albert Pigolkin

Roman N. Aderikhin

Postgraduate,
Russian Academy of Justice,
117418, 69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: romaaderihin@mail.ru

Abstract

In this scientific article the author refers to the scientific works of Professor Albert S. Pigolkin which highlight the history of the development of legal hermeneutics and traces the development of the corresponding theory. The second main focus of this work was reification of concepts and their meanings in philosophical and legal paradigm. The author identifies the problematic issues raised by these scientific studies, and gives them new scientific interpretation, comparing the views of Professor Albert S. Pigolkin with other authors' ideas and carrying out the necessary comparative analysis. This research analyzes the basic concepts and definitions of hermeneutics and reification of concepts and their meanings in philosophical and legal paradigm which are based on the work of Professor Albert Pigolkin, and considers the ideas presented in his work from a practical point of view, showing the ways how they can be used in the legal and court practice. Summing up the results of this study it is important to note the depth and a high degree of elaboration of problematic issues raised by Professor Albert Pigolkin. His works still need to be studied very carefully, which is necessary for the widest possible coverage of the problems of legal hermeneutics and reification of concepts and their meanings in philosophical and legal paradigm.

For citation

Aderikhin R.N. (2016) Istoriko-teoreticheskoe razvitie institutov germeneytiki i konkretizatsii (pravokonkretizatsii) v filosofsko-yuridicheskoi paradigme na primere raboty A.S. Pigolkina: problemnye voprosy [Historical and theoretical development of hermeneutics institutions and reification in philosophy and legal science by the example of works of Albert Pigolkin]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9, pp. 12-20.

Keywords

Hermeneutics, reification of concepts and their meanings in philosophical and legal paradigm, Pigolkin, philosophy, legal paradigm.

References

1. Get'man I.V. (2012) Myslitel'naya deyatel'nost' v pravovoi germeneytike kak kvintessentsiya protsessa adaptatsii zakonodatel'stva Ukrainy k evropeiskomu pravu [The mind action in a legal hermeneutic as a quintessence of the adaptation's processes of the Ukraine's legislation to European law]. *Problemy zakonnosti* [Problems of law], 121, pp. 28-32.
2. Letyaev V.A., Shubenkova K.V. (2014) Slovo o nauchnom nasledii Al'berta Semenovicha Pigolkina [A word about the scientific heritage of Albert S. Pigolkin]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* [Leningrad law journal], 4 (38), pp. 83-97.

3. Lovpache Z.Kh. (2011) Yuridicheskaya germenevtika kak razdel nauki o ponimanii [Legal hermeneutics as a science division on understanding]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Herald of Adygeya State University in Humanities], 3, pp. 125-132.
4. Ovchinnikov A.I. (2016) Yuridicheskaya germenevtika i tsivilizatsionnyi (sotsiokul'turnyi) podkhod k pravu: pravovaya traditsiya kak kontekst interpretatsii i poznaniya prava [Legal hermeneutics and socio-cultural approach to legal science: legal tradition as a context for law interpretation]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], 10, pp. 213-219.
5. Pigolkin A.S. (ed.) (1996) *Obshchaya teoriya prava* [General legal theory]. Moscow: MSTU Publ.
6. Pigolkin A.S. (1962) *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of law in USSR]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury Publ.
7. Trofimenko V.A. (2012) Sovremennaya yuridicheskaya germenevtika kak mekhanizm tolkovaniya printsipov i tsennostei v prave [Modern legal hermeneutics as a mechanism for interpretation of values and principles in legal science]. *Visnik Natsional'nogo universitetu «Yuridichna akademiya Ukraini imeni Yaroslava Mudrogo»*. Seriya: *Filosofiya, filosofiya prava, politologiya, sotsiologiya* [Herald of Ukrainian Law Academy in Humanities], 3 (13), pp. 14-28.
8. Turanin V.Yu. (2011) Tvorcheskoe nasledie professora A. S. Pigolkina i sovremennoe rossiiskoe pravo [Scientific heritage of Professor Albert S. Pigolkin in modern Russian legal science]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian law magazine], 177, pp. 95-99.
9. Vasyuk A.V. (2010) Yuridicheskaya germenevtika kak nauchnoe napravlenie pravovedeniya [Legal hermeneutic as a scientific direction of jurisprudence]. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory for new opportunities. Herald of Vladivostok State Economics and Service University], 2 (6), pp. 81-91.
10. Zaloilo M.V. (2010) Konkretizatsiya i tolkovanie yuridicheskikh norm: problemy sootnosheniya i vzaimodeistviya [Concretization and interpretation of legal norms: questions of correlation and interaction]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian law magazine], 5 (161), pp. 105-112.